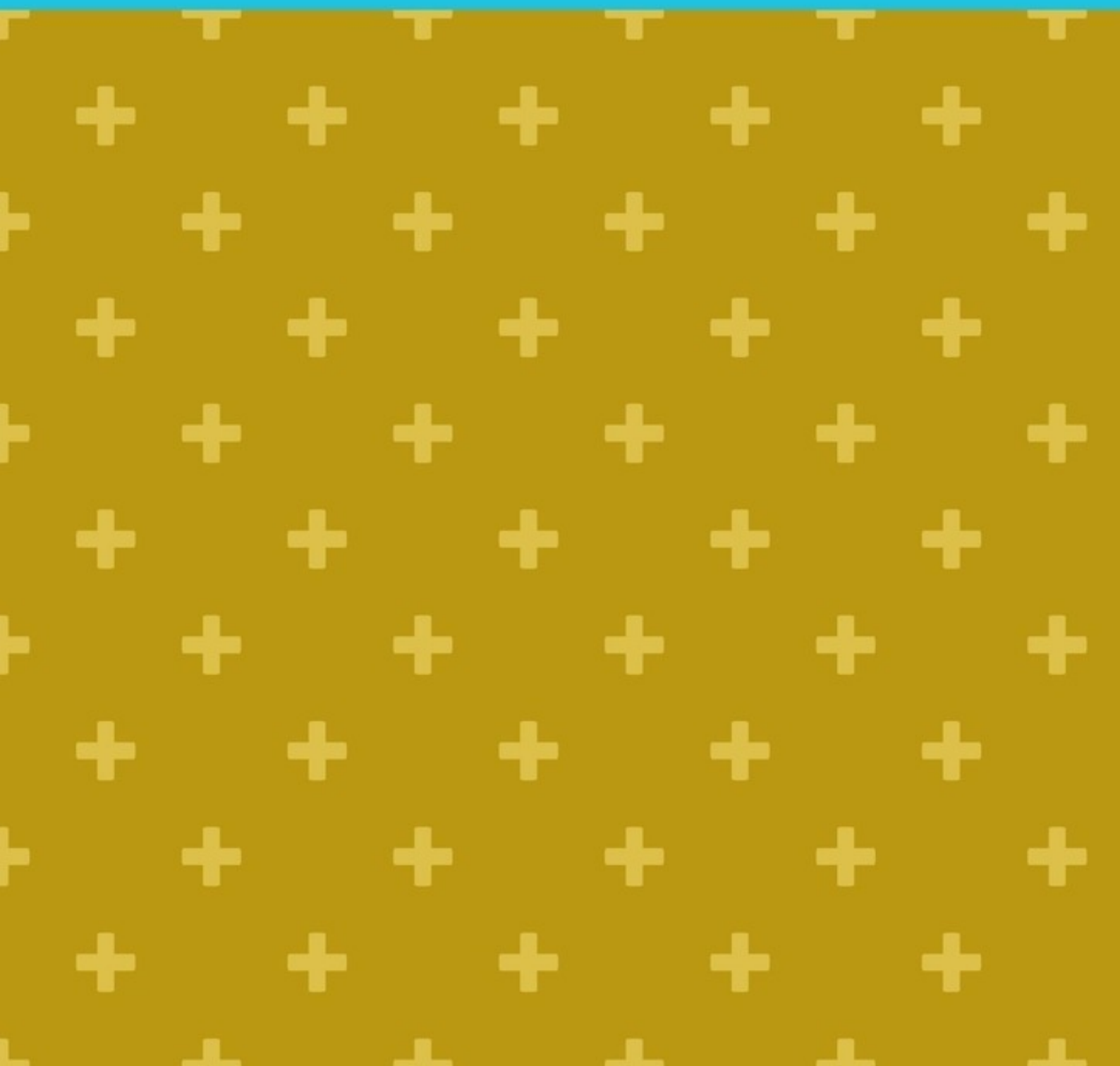

Волга Муталиева

Лилии и Маяки

Волга Муталиева

Лилии и Маяки

«Издательские решения»

Муталиева В.

Лилии и Маяки / В. Муталиева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501575-4

Два взрослых человека влюбились в середине своего жизненного цикла. Они из разных миров и стран. Неудачный романтический опыт превратил их в пугливых и робких отчуждённых странников-одиночек. Повествование о встрече с правдой о себе, раскрытии истинных желаний и индивидуальной трансформации разворачивается на фоне колоритного приморского штата Гоа. «Лилии и Маяки» про одиночество. И любовь. Кто мы: хрупкая лилия, которой необходим заботливый садовник, или одинокий мощный маяк в океане?

ISBN 978-5-00-501575-4

© Муталиева В.
© Издательские решения

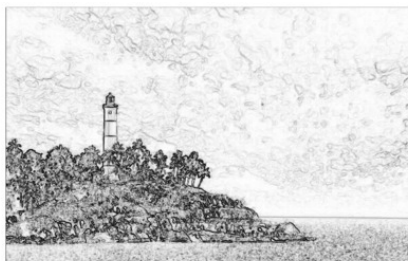
Лилии и Маяки

Волга Муталиева

© Волга Муталиева, 2019

ISBN 978-5-0050-1575-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лилии и Маяки

Лилии и Маяки

*«Я хочу целовать твои руки, большие, сильные,
И с тобой по ночам гулять, и дышать ливнями,
И мечтать, что губы горячей бабочкой влажной
На моём плече будут спать и шептать важное.
И родятся стихи от такой неистовой слабости,
И на завтрак нам подадут турецкие сладости.
Я чудесно пьяна, я похмелья боюсь раннего,
Мой случайный, смешной,
Я прошу, только не рань меня»
(Алеся Шаповалова)*

И сны ее ярко-терракотовые! И мгла заволакивает ласковое побережье в мелкую рябь и блики уходящего в облака солнца. И воздух, словно молоко буйволицы, полупрозрачный,

теплый, нежнейший, расслабляющий и наполненный приятными ожиданиями наступающего вечера.

За окном хижины раздался резкий рокот мотоцикла, один громкий завершающий торможение выдох и его заглушили.

– Ну вот, он теперь наш на все эти дни, дорогая Кэт! – громогласно и немного пафосно, внеся за собой всю будущую разноцветную и разноголосую феерию отпуска сообщил Хэм, входя в бунгало.

На нем полуистрепанная майка цвета оливок с пикантными микроскопическими дырочками, хлопчатые бермуды с карманами, набитыми разного калибра нужностями и мелкими природными находками, и кроксы с джибитсами-флажками. На голове шапочка из каннабиса. В ухе замечательно-пиратское кольцо из серебра. У него восхитительный баритон, громкий, смелый, отчетливый, он не боится заявлять миру о том, что рождается у него внутри, он весел, счастлив, неимоверно талантлив, его ум пытлив, его натура порывиста, он часто неуправляем. Он как стихия: сильный, мощный, тяжеловесный, иногда беспардонный, страстный, инициативный и, при этих качествах, романтичный, чуткий и любящий.

И это все о нем. О том дивном герое, который увез силком Кэт из промозглого города печали и тоски, страха и ненависти, от работы и слепящего компьютера, примитивных излишне интимных вопросов коллег и шумных соседей. Просто взял и выволок в охапку нужные туалетные принадлежности, пару купальных костюмов, аптечку (он знает, что она без своих привычных предметов первой необходимости не покидает столицу), сумочку с документами и их копиями, ванночку для льда и любимый проигрыватель. Кто бы мог догадаться, что визу, которую можно получить без личной подачи тоже сделал Хэм. Все приготовления он взял на себя. Даже запомнил с прошлого раза, какой гостевой дом понравился Кэт!

Заранее списался с хозяином, договорился на тихий домик в сочных зарослях, с комфортабельными креслами у входа, со столиком из мангового дерева. Подальше от кухни и шумных мальчишек, играющих в самую жару в крикет. Они работают весь сезон с утра до вечера в этом поселении для людей из мира уставших глаз, истрепанных нервов, надломленных психик, искалеченных поясниц.

В хижине только самое необходимое: огромная мягкая кровать с балдахином, две тумбочки, малогабаритный холодильник, столик и кресла, металлический шкаф-сейф с висячим замком. В туалетном помещении душ для ног и обычный, маленький бойлер, унитаз, умывальник и небольшое обшарпанное зеркало.

Ничего лишнего. Все натуральное.

Крыша из плотно уложенных листьев пальмы. Стены из бамбука. Дверь из фанеры с набитыми планками и огромным скрипучим засовом с амбарным замком. Окошечки-бойнички, пропускающие скудные, но невероятно живописные бойкие и острые лучи солнца. По ночам естественная вентиляция, звуки скачущих галок по крыше, падающие то тут, то там созревшие кокосы, за стенками шорох барсуков и грызунов, юркие пробежки которых по началу пугают. И только маленькие черные фекалии оставляют приветственный след от их ночного променада по бетонному каркасу этого нехитрого укрытия для парочки влюбленных.

Вместе с Хэмом в наполненную благовониями атмосферу бамбуковой комнаты внесся резкий запах местных сигарет. От его рук также пахло. Он потрепал Кэт по волосам, уху и скуле и наклонился за поцелуем: «Ты готова ехать скупать местные образцы фэшн-индустрии?»

Кэт, брюнетка с коротким каре, завернутая во влажное полотенце после принятия оживляющего душа, валялась на кровати и дописывала сообщение о благополучном приземлении и вселении.

– «Целую, обнимаю! До связи!» – пропела она своим отпускным голоском. Стремительно обвивая голыми руками шею Хэма, она прижалась к нему и нарочито преувеличенно смачно поцеловала его. – Пара минут и можно отправляться, мой капитан!

Он вышел за дверь, уселся в кресло. В ожидании Кэт осмотрел прилегающую территорию, остался доволен, улыбнулся и принялся раскуривать сигаретку нирдош. К нему подошел местный пес, черный, лохматый, с белой манишкой, вислоухий, в ошейнике. По глазам Хэм понял, что перед ним тот еще прохиндей, и погладил его пыльную шерстяную спину: «Ууу, бродяга! Будем знакомы! Как ты тут поживаешь? Хорошо ли кормят?»

Вышла Кэт. На ней был белый марлевый сарафан до пят, босоножки на плоском ходу из зеленых и розовых широких резинок и дюжина разновеликих тибетских браслетов. Браслеты звонко колотились друг об друга при любом движении ее руки. И эти звуки, без стройной правильной мелодии, пробуждающие что-то глубоко внутри их сердец, совпадающие с музыками их душ и настроений, сонастроили обоих с местом, деревьями, шелестящими вдруг в унисон с этими кругляшками из срезов горных пород, обрамленных в бронзу, а также с долетающим едва-едва до их жилища рокотом морского прибоя и стерео-голосами пляжных кафе. Мгла скрывала палящее солнце, воздух приобретал оттенки молочной взвеси с тонкого помолана ананасами. Все вокруг трепетало жизнью, обильно угощая туристов своими дарами и восстанавливая их спокойствие...

Хэм вел мотоцикл по дороге, иногда то раскатисто заливаясь, то обращая внимание Кэт на интересные детали по обеим сторонам. Они смеялись вместе над своими шутками по поводу дорожных знаков, от чрезмерно частых подскоков на лежащих полицейских, немного с непривычки шарахались от пронзительных клаксонов отходовозов, разукрашенных, как будто надвигается цирковая машина, набитая клоунами. Кэт цепко обнимала его сильную спину, иногда поглаживала его накачанный пресс, по-детски мостила свой подбородок на его плечо и издавала смешные дребезжащие звуки. Колеса рассекали сумерки. Наступающая прохлада приятно соприкасалась с кожей их тел, встречный ветерок требушил марлевый подол и играл с неприкрытыми и незаколотыми волосами. Гул мотора, как ни удивительно, убаюкивал своим постоянством, изредка меняя тональность при торможении или ускорении, смешивал в однородный коктейль этих двоих, асфальтовое покрытие, звучание природы, брызги уходящего жаркого дня и обрывки разных языков и тембров.

Браслеты звякнули, когда они остановились возле улицы с многочисленными лавочками. И это было той самой вишенкой на приветственном тортике или в стаканчике с шотом. Команда с неба «К отдыху!» была отдана окончательно и бесповоротно. Хэм и Кэт пошли на дно иллюзии свободы и простора, ничегонеделания и ежедневного нового познания друг друга.

2

– Где оставим наш байк, Кэтти? – прошумел Хэм. – Смотри-ка на это!

Он размашисто указал рукой на море из разноцветных скутеров и мотоциклов. Громада из пластика, резины, металла с разными историями, целями и ценностями, выставка достатка и амбиций, человеческая комедия в технике и инструменты достижения положения в сложной иерархии прибрежного штата.

Их зеркала и металлические детали отражали набегающие волны, как вольные пляжные собаки, слизывавшие мусор дневногo нашего шествия людей, да кусочки звездного свечения с иссиня-черного неба, а еще песчаные замки, устоявшие в массовом танцевальном трайбле на закате, и кое-где мерцали огни далеких лодок, качающихся в водах Аравийского моря.

За один только этот вечер Кэт утратила свою обычную городскую тревожность, собранность, стремление многое или почти все контролировать, везде вникать в суть и решать сложные ситуации; она превратилась в мягкую замедленную женщину, которая не борется за сильную позицию, которая отдает принятие решения мужчине, которая не напрягается по пустякам и из-за отсутствия места на парковке.

– Сейчас что-нибудь найдем, дорогой! Скутеры стоят прямо на песке, можно немного увеличить границы стоянки. И нам ничего за это не будет! – озорным звенящим смехом отве-

тила она ему, обняла его за талию и чмокнула в колючую щеку. – Мне так сейчас хорошо! Давай где-нибудь бросим мотоцикл и поспешим найти столик в «Морском коньке». Скоро все начнется!

Они на минутку растаяли в вечерней темноте, обнявшись и обменявшись искрящимися взглядами.

Все пахло той книжной пресловутой свободой, о которой часто рассуждали молодые писатели Парижа прошлого столетия за рюмочкой абсента. Теплый ночной воздух был пропитан вседозволенностью, безнаказанностью и недостижимой нигде в другом месте абсолютной безответственностью. А люди в этом плавали, как золотые одурманенные рыбки, делая ротиками «ом-ом», и оттягивали момент выныривания в очень далекую недружелюбную реальность.

На входе в кафе их встретил шуплый, но высокий официант и предложил места за столиком. Места были не у самой сцены, но со своими преимуществами. Кэт сразу же скинула босоножки и устроилась с ногами на диванчике, подобрав длинные просвечивающие полы сарафана. Браслеты громыхнули туда-сюда, а их хозяйка прильнула к основательному плечу своего спутника. Ей так и хотелось все время трогать его, повисая на его руках, плечах или шее. Хотелось стукаться об него бедром или таранить его болтающимися руками, хотелось придуриваться и не обращать внимания на условности и возраст. Что она и делала при любой подвораживающейся возможности. Хэм снисходительно улыбался, понимая, что если и он отпустит все сдерживающие резоны, то их пара будет смотреться инфантильными неадекватными европейцами на Ривьере. Поэтому он корчил из себя взрослого человека. Пока не понял, что он никому ничего не должен и приехали они именно за тем, чтобы поддаться всем внутренним порывам и выгулять своих внутренних детей, глотнуть бесценной свободы хотя бы эпизодом-отпуском. А кто их осудит? Сюда все приехали за этим. Остальная часть людей обслуживает эти желания и очень четко понимает, что высказывать свои оценки и неудовольствия себе же дороже. А, может, эти люди сохранили в себе внутреннего ребенка и совсем не боятся жить с ним на виду у всех, может, это часть менталитета и культуры.

Они изучили меню и сделали заказ. Ей спринг роллы, коктейль «Пина Колада» и мороженое с шоколадом. Ему скворчащий сиззлер с курицей, местное виски Paul John и маленькое ведерко со льдом. Через минуту на столе оказалась большая бутылка с водой и стаканы.

Свет в зале приглушили. А фоновая музыка, лившаяся со всех сторон, стихла. Трясущийся старикан-европеец с красными щеками и рыхлым носом хорошо и регулярно поддающего человека, одетый в гавайку и светлые шорты, в шлепках и в улыбке вышел в центр объявить начало программы. В микрофон он прокричал с мастерством ринг-аннонсера название музыкальной группы, откуда они и пересыпал объявление парой местных шуток на алкогольную тематику. Все столики были заняты. Вокруг курили разное. Все люди улыбались, лоснились и блестели красной кожей, все были одеты в одной манере – свободные хлопковые штаны на завязках и растянутые майки с ведическими принтами. Многие без стеснения скидывали обувь и под столами образовывались непарные и разноразмерные нагромождения вьетнамков, шлепок, кроксов и слипонов.

Заиграла музыка. Четыре парня из разных концов Земли исполняли мировую нетленку с профессионализмом, запалом и харизмой. Веселело, клубилось и голоса повышались.

В этом интернациональном муравейнике были все: молодые, взрослые, старые; белые, желтые, черные, хоть и почти все красные от дневного изнурительного загара; были трезвенники, были наркоши, были алкопутешественники, была бомж, спали дети в колясках, работала в ноутбуке жена анонсера; на заднем плане коптила сковородками и зажаривала во фритюре кухня, бармен ухитрялся смешивать правильные ингредиенты коктейлей, ледышки летели во все стороны бара и рассыпались на мельчайшие капли холодной воды. Юбки, штаны, бермуды, голые ноги месили воображаемое тесто из всевозможных составляющих, никто

не оглядывался на стерильность, допустимость, осторожность, жирные и мокрые пятна. Никто не шипел на табачный дым и пары рома, никто не жаловался на шум и невозможность беседовать. Все собравшиеся, как единый многосложный организм с несколькими головами существовал, радовался музыке, праздновал жизнь и ликовал, воспевая момент. Жизнь в моменте! Все тела трясло и подбрасывало всем известными песнями, фонарями светомузыки, все вибрировали и отражались друг в друге. Мирно. Светло. Емко. Отдавая сгусток положительно заряженных эмоций в среду. Обмениваясь на отражения благожелательных улыбочивых глаз и сообщая выкрикиваемых английских слов песен.

Принесли еду.

Мороженое беспощадно превращалось в молочный коктейль, смешивалось с шоколадом и расплывалось в коричневую бесформенную жидкость по креманке. Обнаружились фруктовые кусочки: сплошь ананасы, папайя, манго, апельсины и крайне иногда яблочные хрустящие дольки. Ели вместе, наскоро, чтоб ухватить эффект охлаждения. Официант-хитрюга, опытный халдей, принес уже сразу две ложки, чтобы гости не вылавливали его по всему взбудораженному музыкой и танцами залу и ему не пришлось повторно бегать.

В редчайшие минуты спокойствия от беготни с подносом официант Ананд подпирал затылком деревянную стойку и упрямо нажимал кнопки мобильного телефона. Ему не была интересна вся эта туристская бездна беспощадно сгорающих эмоций, выкрики известных припевов, флирт на танцполе и дым, окутывающий сцену. Ананд играл в «Тетрис» на раздевание допотопно нарисованной едкими цветами девушки в стиле аниме.

Музыканты наяривали все интенсивнее, они уже скинули пиджаки, с лиц капал пот, глаза изрыгали ритм и пламя!

Даже жена владельца «Морского конька» закрыла ноутбук и уже еле сидела в кресле первого ряда, отхлебывая пиво и пританцовывая ножкой. Ее багровый муж пил огромными стаканами, неосмотрительно смешивая пиво и ром, следом виски с товарищами из другого конца бара, потом снова ром с музыкантами в коротких перерывах между треками, и снова освежался охлажденным пивком с супругой. Его руки исполняли трясучку человека в агонии. Казалось, еще стаканчик, и его увезут в госпиталь Хирабхай Мемориал. Ближе к полуночи затряслись и коленки, и его жена на танцполе. Гитарные рифы вырезали любого бездействующего в зале, поднимали и затягивали, как тягун, опасное для пловца прибрежное течение. Музыка смешалась с алкоголем, сигаретами, маслом для жарки, уставшими фруктовыми нарезками и влажными поцелуями публики. Все бултыхалось в миксере пляжного бара «Морской конек», подача была безостановочной, лед в стакан этого грандиозного коктейля залетал откуда-то из-под крыши, босые и полуоголенные люди скакали и пели, запивали ночной жар и терлись потными и сладкими руками, прилипали и накальвались ногами, обнимались и фотографировались.

Кэтти к тому времени уже не знала, как избавиться от длины сарафана, так и сяк пыталась завязать и закрепить подол, боролась с ним время от времени, иногда забывая о духоте и помехах. Ее руки больше часа изображали свои собственные вертикальные танцы, символические движения и манящие взмахи. Ноги, как пружины, подкидывали ее фигурку вверх, выше и ниже, левее и правее, вокруг своей оси, навстречу в разомкнутые объятия Хэма. Он периодически делал остановки, усаживался на диванчик, покуривал и довольно наблюдал за ней, радостно и уже хрипло распеваящей развеселые шлягеры и выпивающей ледяную «Куба Либре». Она вела себя как совсем девчонка, школьница, убежавшая от родительского контроля. Хэм любовался ее танцевальными па и как будто бы фуэте, наслаждался тем, что она захлебывается счастьем ничегонеконтролирования, просто живет в ритме испанской гитары и всеобщего как будто бы грехопадения, плещется в алкогольных парах, не задетая дымом марихуаны.

Он снял несколько видеороликов, чтобы вместе посмеяться за завтраком. Кэт настаивала на фотографиях. Они сделали много умильных фотографий с пьяными глазками, страшными рожами, к ним примыкали разухабистые старички, размахивали косами парни-акробаты. Вся эта мешанина отдыхающих отдавала команды на своих языках, управляла группой, смотрящих в объектив, обнимала за скользкие шеи и пыталась застыть в гимнастических этюдах.

Утро обещало быть и трудным, и веселым, и шумным.

Выступление ансамбля заканчивалось несколькими медленными композициями. Хэм ловко и осторожно вытаскил Кэтти из толпы счастливых танцующих собутыльников, притянул к себе, обнял и поцеловал в лоб: «Какая же ты еще девочка. И я так сильно тебя люблю!». Они покачивались в объятиях еще несколько минут под угасающую мелодию. Она остывала от диких танцев, он разогревался от осознания своего счастья и удачи, которая ему улыбнулась после долгих лет неудач на любовном фронте. Мысленно он благодарил небеса за шанс быть с ней.

Концерт был окончен, аплодисменты не затихали, все возможные бисы были исполнены. Хозяин бара посапывал в кресле первого ряда столиков. Его жена объявила артиста, играющего на ханге медитативный репертуар. Музыканты зачехляли инструменты, собирали предметы одежды, в порыве разбросанные по всей сцене. Посетители допивали напитки и докуривали свои нирдоши.

Звуки ханга подгоняли Кэт и Хэма на поиски мотоцикла на пляже.

Стала различимой кромка моря и неба. Лодки погасили свои фонари. Светало.

Хэм расплатился с Анандом, оставив щедрые чаевые. Официант пожелал спокойной ночи. Проверили, ничего ли не забыли на диване. Обнявшись, вышли в холодный белый песок засыпающего Арамболя.

3

Звук мотора разрывал в клочья гоанское безмолвие. Хэм протрезвел и слегка озяб в предрассветной прохладе от ветра с гор и низин. Кэтти жалась к нему что есть сил, крепко сцепив руки у него на груди, лепетала всякие смешные шуточки и пересказывала обрывки услышанных сплетен поселка, в котором они теперь будут жить какое-то время. Их смешки и междометья улетали длинным многоточием в ночную тишь, растворяясь в оливково-оранжевом небе, таком чудесном, таком ароматном, таком безветренном и наполненным предвестниками давно забытого счастья.

Хотелось, чтобы турне не заканчивалось никогда! Быстрые остановки на дозаправки и привалы в безлюдных местах, романтические ночные купания и пляжные посиделки в пледах с верблюжьим сыром в наане и бутылочкой вина Sula на ужин у потрескивающего костра, игра на табле, жаркие объятия и много-много разговоров обо всем. Это все, о чем они мечтали на ближайшие недели.

– Хэмми, а погнались кататься по неизвестным нам дорогам!? Поехали туда, где живет местное население, а не тусуются экспаты!? – и она указала ладошкой в сторону Большого Баньяна и фермы подальше от моря.

Становилось все холоднее, ветер усиливался. Хэм поддал газу и мотоцикл устремился к огромному раскидистому, казалось бы, миллион лет растущему, выдавшему на своем веку не одну тысячу влюбленных и все еще тянущему свои ветви из всех возможных мест и разломов навстречу жизни, небу и воде. Некоторые воздушные корни образовали за это время новые деревья.

И два замерзших европейца, заглушив двигатель, сошли в сказочной и жуткой роще из множества сухих и полуживых щупальцев. Кое-где пробивались скрюченные листочки, где-то болтались яркие веревочки на исполнение желания. В замысловато образованных туго переплетенными ветвями дуплах едва обозначалась ночная жизнь местной фауны, местами доносився шорох и треск сухостоя, взмах крыльев и экстренное взмывание ввысь разбуженной

летучей мыши. По земле изредка пробежала волна в высохшей листве и шевелилась трава, опутанная паутиной, трепетали мелкие жучки и стрекотали хищные лжекузнечики.

В обычной своей жизни Кэт всегда боялась насекомых и ни за что на свете бы не полезла в темноту зарослей. Ром выветрился пока они неслись по шоссе с болтовней и ласками. Теперь они поддались жажде любопытства естествоиспытателей, страх разлетелся в пыль и осыпался при торможении на бетонное покрытие перед входом в чащу. Глухо заухала сова. И это ночное послание разлетелось по полям вокруг баньяна. Символ-предостережение чрезмерно отважным иностранцем, вторгающимся в ночной мир природы.

– Кэт? – бравадно позвал Хэм. – А ты знаешь, что совы считаются покровителями ночи в Индии?

– Нет, дорогой, конечно, не знаю... – что-то хрустнуло под легкой ножкой девушки, и она устремилась прильнуть к широкой груди своего любовника. – Мне страшно, Хэмми...

– Местное население верит в то, что совы – посланцы загробного мира и являются провозжатыми в царство мертвых.

В тот же миг та или уже другая сова расхохоталась на всю округу. И этот демонический хохот с басовитым подухиванием погнал Кэт прочь из-под зарослей. Она успела лишь ухватить похолодевшей рукой огромную ладонь Хэма и потащить его за собой с неженской силой. Под сандалиями гулко хрустело, нити пожухлых и гниющих трав застревали между пальцев, брошенные фантики из фольги от съеденных туристами конфет усиливали охвативший ее ужас своим мерцанием. Она волокла огромного тяжеловеса через висащие с неба лианы, не обращая внимания на брезгливость, охотящихся пауков и, возможно, дремлющих пресмыкающихся. Выскочив на свет, к мотоциклу, Кэт уткнулась в грудь Хэма и разрыдалась.

Он сжимал ее костлявую холодную спину, все крепче и крепче, приговаривая: «Милая моя, ничего-ничего, ничего страшного, все в порядке, я с тобой!». Когда слезы высохли на ее щеках, он расцепил объятия и растер ее голые озябшие руки и затем ноги. Ее распухшие от плача глаза заблестели, как будто волшебник надломил капсулу с ромом у нее внутри и кровь мгновенно разгорячилась, ускорила свой бег по венам и сосудам, ударила в самое сердце и, оттолкнувшись, взмыла страстью к губам Кэт. Она жадно стала целовать его щетину, рот и щеки. Он отвечал взаимностью и успевал говорить ей нежные слова, порывисто гладил ее плечи, спину, запускал пальцы в лохматое каре. Их учащенное дыхание переплелось и заглушило все эти пугающие уханья птиц и стрекотание в листве. Могучими ладонями он обхватил талию Кэт и жаркое слияние унесло их реальность в параллельное измерение.

Когда Кэт разомкнула глаза и навела резкость, было утро, очень раннее и туманное, просматривались поля, воздух покалывал своей свежестью, птицы завели свое чириканье и обезьяны будили своих собратьев-сонь в кронах деревьев, растущих где-то посреди фермы. Деревня наполнялась новой жизнью, свежестью и звуками движения.

Хэм еще раз поцеловал ее, встал на ноги и подал руку своей трусихе. Они поскорее натянули одежды, прибрали прически ладонями, растерли глаза и прополоскали рты. Очень хотелось позавтракать и завалиться спать в теплую постель!

Большой Баньян исчезал в зарослях высокой травы за поворотом.

В поле завелся трактор. Компания женщин в сари под зонтами, гуськом идущая по своим делам, заголосила и забулькала переливчатым громким смехом. Мотоцикл Энфилд, оставляя след протектора на влажной земле, с превышением укатил в туристическое поселение. Любовников гнал животный голод и усталость бессонной ночи. Все страхи были забыты.

4

Они долго искали ключ от своего домика. Наконец-то, открыли дверь и вошли. Вещи были разбросаны, полотенца скомканы на креслах, обувь из той зимы, откуда Хэм высвободил Кэт так неожиданно и так настойчиво, покоилась в пакетах под столом, гудел холодильник и солнечные лучи из окошка в уборной прорезали тяжелый недосып своим бодрым острием.

Двери между спальней и санузелом в хижине не было и не предусматривалось. И это был еще один пункт, который нужно было преодолеть и принять навязываемую обстоятельствами близость.

– Налить тебе согревающей микстуры? – жизнерадостно предложила Кэт, потянувшись в металлический шкаф, с визгом и лязгом отворяя тяжелую дверь и доставая пластиковую плоскую бутылочку рома Old Monk. – Два кубика льда?

– А не рановато ты начинаешь вечеринку, золотко мое? – так же жизнерадостно и поощрительно согласился Хэм, предостерегая ее тубным голосом. – По-моему, душа моя, ты поддалась моему тлетворному влиянию и уже не бранишься за рюмочку по утрам.

При этом он удалился в туалетный отсек и неловко громыхнул унитазной крышкой. Последующие минуты он насвистывал какой-то брагурный мотивчик, а затем донеслись звуки смыва. У Кэт глаза полезли на лоб, она растерялась и не знала, как правильно среагировать на произошедшее.

«Он бы еще чиркнул спичкой и расположился на унитазах за более весомым занятием!» – мысленно возмутилась она, качая головой, как это делают местные жители.

На этот раз не было сил разбираться или говорить об этом... сближении. Очень хотелось есть, пить, постоять под душем и потом завалиться на кровать. И спать. Долго. В тишине. И без снов.

Хэм вышел из-за перегородки как ни в чем не бывало, умытый, посвежевший, но все-таки с утомленными слипающимися глазами.

– Я готов к дезинфекции! И скорее завтракать!

Это была больше мера предосторожности, чем бытовое пьянство. Отпуск только начался и было бы неудачей простудиться и слечь в первый же день. Они чокнулись, сказали в один голос «На здоровье!», проглотили ароматный коричневый ром и вышли в ослепляющее утро.

Пока собранный Хэм навешивал замок на засов хижины, Кэтти размашисто покачиваясь, брела по направлению к ресторану. Дорожка была устлана узкими циновками с орнаментом по краю. В кадучках росли молодые пальмы. Черный пес, с которым ее мужчина познакомился еще вчера, спохватился и завилял хвостом, потом потянулся, вытягивая морду вверх и растягивая затекший позвоночник. Хэм нагнал ее в этот момент. Они переглянулись, заулыбались и, не стовариваясь, наклонились к собаке.

– Давай назовем его Кутрапалыч? – прозвенела Кэтти. Взяла за руку Хэма и они ускорили шаг к самому выгодному столику с позиции вида на море.

Непроснувшийся окончательно медлительный официант протянул им меню и спросил, хотят ли они что-нибудь попить. Оба заказали жгучий и сладкий масала чай. И принялись изучать список блюд кухни своего скромного отеля.

Хэм, как обыкновенно, взял яичницу с беконом, сыром, томатами и перцем, с картофелем и фасолью. Его подруга захотела овсяную кашу на молоке со свежим бананом и медом.

Завтрак подали очень быстро. Он был горячий, свежий, ароматный и очень вкусный. Молодые люди быстро работали приборами, отвлекаясь на глотки чая. Они отражались в солнцезащитных стеклах очков друг друга, молчали, в паузах он гладил ее свободно лежащую на столе руку, перебирал браслеты, постукивая ими случайно. Они оба согрелись, наелись, утолили жажду. Тела их отдохнули и уже совершенно забыли приключения прошедшей ночи, выдохи полевой совы, волосы их проветрились от сигаретного смрада музыкального бара, соль кристаллизовалась на лбах, носы немного покраснели от встречи с солнцем и глаза осоловели от всей окружающей красоты и неги. Хэм расплатился, зажег свой нирдош, и оба потопали к хижине.

– Ты пока докуривай, а я схожу в туалет и обмоюсь, – предложила Кэт.

Хэм остался на воздухе, уселся в кресло. К нему подбежал Кутрапалыч, сел у ног и стал пристально и жалобно смотреть прямо в глаза.

– Нет ничего у меня, зверь. Приходи вечером.

Затянулся и выпустил целительный дымок. Задумался на минутку о том, как так, чтобы сигарета была полезной. Вспомнил информацию из статьи, которую читал накануне про сложный и древний аюрведический сбор лечебных трав, заключенный в лист эвкалипта. Еще попыттел и обратился к собаке: «Ну что, Кутрапалыч, небось, завидуешь мне, лохматый? Не видать тебе такой девушки!» Довольный и расслабленный вошел в дом.

Вода в душе лилась с быстрым напором, струйки затекали под умывальник, а пар вырывался за перегородку. Еще мгновение и поток прекратился. Кэт, завернутая в полотенце, вышла в комнату. Чистая до скрипа, душистая, посвежевшая, с мокрыми волосами, убранными в хвостик на затылке.

Благоухание обволакивало. Приятный запах его сонной девушки, взбивающей подушки на кровати и расправляющей балдахин, поторопил его. Он схватился за зубную щетку и пасту. Быстро и тщательно вымыл пыльные волосы. Немного постоял в бездействии под расслабляющим тропическим душем. Обтерся махровым полотенцем и вышел.

На кровати спала она. Руки и ноги уже успели позолотиться на солнце, они лежали свободно и расслабленно по всей ширине кровати в очень замысловатой позе. Кэтти глубоко и медленно дышала всей грудью. Короткое ночное батистовое платье едва прикрывало ягодицы. Изгиб талии в таком положении выглядел более чем соблазнительно и придавал ее фигуре такое изящество, что хотелось созерцать, позабыв про сон. Он наклонился к оголенному участку на ее спине и, едва прикасаясь, процеловал теплыми губами дорожку от середины спины к шее и выше, месту, где начинается рост темных непослушных завитков.

Он на какое-то время углубился в свои воспоминания. Они уже не впервые отдыхали вместе на взморье. Он знал, что через пару дней на ее лице проступят веселые веснушки-непоседы, а волосы начнут завиваться и лететь во все стороны, она перестанет следить за их направлением и вместе с медным загаром приобретет или позаимствует некоторые привычки местных, будет также качать головой из стороны в сторону, обсуждая любую тему даже со своими и с ним, голос приобретет уникальный, как он называл, гоанский тембр, и она мало-помалу превратится в богиню, перерожденную из городской затхлости, непрерывного стресса и социального давления через молочный океан в излучающую свет, добро, любовь и понимание.

Сладкую паузу истомы под раскаленной крышей из листьев кокосовых пальм прервал легкий стон из уст Кэт, она перевернулась на другой бок, дав больше места на кровати тем самым Хэму. Он расположился поудобнее, обнял ее сзади и наконец закрыл глаза. Еще миг все полыхало разноцветными салютами и острыми иголочками, вспышками все слабее и реже, из отключающегося сознания ухнула сова, моргнула страшным желтым глазом и отвернулась.

Оба спали. Глубоко и долго. Он обнимал и целовал во сне ее плечи.

5

За окнами было темно и шумно. Ревели дети, что-то обсуждали женские голоса, персонал кэмп выкрикивал быстрые распоряжения, в других домиках играла музыка из портативных колонок, падали кокосы на крышу и катились, как будто в боулинге по направляющим перекрытий, к самым лапкам ожидающих добычу голодных галок. Вечер бурлил и зажигал свои огни в поселении. Сильное благоухание индийских специй доносился из ресторана и все-таки разбудил проголодавшегося мужчину с растрепанными черными волосами с пиратским кольцом в ухе. Женщина, которая свернулась калачиком подле него, хитрыми глазами изучала мускулатуру, темные завитки, абрис губ и водила пальчиком по отросшей щетине.

– Доброе утро, мистер Хэм! – нарочито официально приветствовала она своего друга. – Я рассматривала твои трещинки, шрамики и морщинки. Знаешь, что я решила?

– Расскажешь?

– Ты – самый лучший человек на свете! Ты сильный, смелый, большой, высокий, красивый и невероятно честный мужчина! Хэм, я так рада, что ты со мной, а я здесь с тобой. Спасибо, что ты все это устроил!

Какой-то фантастический импульс подхватил ее и в момент она расцеловала его колючие щеки, прикрыв своей ладонью его глаза. Пальцы прогулялись по его лохматой могучей широкой груди, скользнули по животу. Поцелуй пришелся прямо в пупок, дальше она задула с шумом туда воздух, как бы надувая воздушный шарик. И оба расхохотались, барахтаясь в скрутках мягкой постели.

Хэм пошел бриться и чистить зубы. Она еще некоторое время нежилась в скомканной до неузнаваемости простыне, поднимала ноги к потолку, вытягивая носочки как балерина, крутила грациозными ладонями и двигала плечами, танцуя символы, строила мордашки в воздух и дразнила наступающую южную ночь.

– Чем займемся? На море идти уже поздно, хочется поесть и подышать свежим воздухом.

– Кто сказал, что на море поздно?! – возбужденно и удивленно приподнял брови Хэм, выглянув из-за туалетной перегородки. – Непременно, сейчас же, тотчас же, как ты будешь готова, мы отправляемся исследовать округу, обойдем мелкие лавочки и накупим благовоний, заскочим в «Ликерный», нам нужны фрукты. Давай-давай, отрывай зад от кровати и бегом собирайся!

Кэт поднялась и проследовала в так называемую ванную. Он достал из багажа голубую форму для льда в виде звездочек.

– И надень, пожалуйста, что-нибудь из вчерашних приобретений. А я пока налью воды для льда.

Полилась вода. Кэт прокричала недовольные междометья, так как вода в накопителе на крыше успела остыть и была довольно холодной. Кожа резко отреагировала проступившими прыщиками, но через полминуты привыкла к температуре. И все-то там за стенкой пенилось, пузырилось и текло стремительными струйками к стоку в бетонном полу под умывальником.

Хэм отворил дверь и впустил вечер на порог. Пока он размышлял, куда им пойти и предвкушал сытный ужин на пляже, пока нирдош потрескивал у него между пальцами, пока он машинально поглаживал ногой пузо Кутрапалыча, развалившегося у ножки кресла, пока слух улавливал тысячи обрывков диалогов и эпизодов звуков отдохнувших от дневного солнца жителей их хостела, вышла Кэт.

На ней была шапочка из конопли оливкового цвета, воздушная струящаяся ассиметричная блуза из шелка плотного оттенка хаки, обнажавшая одно плечо, и темно-зеленые мини-шорты. Из босоножек выглядывали очень красивые длинные пальчики с белым перламутровым покрытием на ногтях. Талию соблазнительно подчеркивал пояс винтажной кожи с грубой прострочкой, двумя карманами на кнопках, одним большим отделением для телефона и несколькими ремешками и карабинчиками. В ушах – большие металлические серьги-кольца, на лодыжке побрякивали крохотные колокольчики работы местного ювелира. Скулы ее блестели, в глазах играли чертята предвкушения и озорства, а кожа точеных стройных бедер отличала приятной ровной бронзой загара. Губы слегка тронул бесцветный блеск.

– Мы можем идти.

– Захватчу платок на случай ветра у воды, – пальцы пробежали по ее коленкам, губы поцеловали куда-то в область лопаток.

Взявшись за руки, они вышли за забор своего прибежища и кожей ощутили дуновение со стороны моря, их обдало жаром, и наступающая южная ночь приветливо приняла их в свое лоно. Песок и мелкие камушки попадали в сандалии и под резинки босоножек, встречные головные фонари европейских туристов ослепляли, пьяненький смех веселил и побуждал заго-

ворщицки переглядываться и подмигивать. Кутрапалыч еще пару метров сопровождал влюбленных, потом увлекся интенсивным расчесыванием за ушами и отстал.

– Чего бы ты хотела?

– У меня дикий аппетит! Давай съедим акулу! И сами станем акулами! – придурилась Кэтти, не отпуская руку Хэма.

Ее штормило любовное настроение: она то прижималась к его спине, то куталась в его руки, то обнимала за поясницу, то подстрекала призывающими толчками своего бедра о его, то висла на шее и не давала ему дышать, запечатывая рот горячими поцелуями. Вот так и шла эта парочка до самой пляжной полосы с кафешками, качаясь и слоняясь, смеясь и закусывая раскрасневшиеся губы.

– Давай посмотрим на витрину с рыбой, – предложил Хэм и направил взгляд к зазывале с прожектором. – Смотри, какие огромные крабы! А креветки!

Это было обычной процедурой. Зазывала освещал богатый разнообразный улов, аккуратно выложенный на ледяных глыбах. Зычно предлагал блюда и способы приготовления, сулил хорошие скидки и бонусные коктейли. И уже почти хватал за рубаху и вел к столику с мерцающими свечами поодаль от больших компаний, распевających русские романсы да дымящих кальянами.

– Пойдем-пойдем! Отличное место и музыка приятная, такие хорошие креслица и уже очень хочется есть.

Официант молниеносно подал меню и затараторил на гоанском английском, предлагая детеныша акулы, запеченного целиком на углях в традиционных специях, с картофелем и овощным салатом.

– Да, мы хотели бы акулу. Такую, да, такого размера. А в салате будет лук? А чеснок? А заправка из чего?...

Кэтти изучала барное предложение, полностью доверяя выбор горячих блюд своему мужчине.

– Принесите, пожалуйста, «Индиан Прайд» с лаймом. А тебе?

– Виски со льдом.

По пляжу разливались интонации певицы Шаде, обволакивая акустической гитарой и скрипкой, набрасывая вуаль из печальных слов песни про невозможность любви:

«I was the one

I who could

Pull in all the stars above

Lay them on your feet

And I gave you my love

(Ain't gon' let you go)...

You'll always know

Reason why

We could have had

The moon and the sky...»

– Не слушай ее. За нас! – ласково провозгласил Хэм и притянул и так совсем рядом сидящую Кэтти. Они обнялись.

Он был переполнен переживанием счастья, вытесняющего весь предыдущий опыт. Наслаждался и улыбался.

Глаза Кэт заблестели от навернувшихся слез. Комок в горле на долю секунды перекрыл дыхание, но она совладала с этим приступом прошлой драмы. Позволила любовному чувству прорасти из сердца в ночь.

– Я люблю тебя, Хэмми... – опустив глаза, тихо сказала она.

– Я люблю тебя сильнее, детка! – убедительно пробасил он. – До солнца и даже дальше!

Признания в сумраке ночи прервал эффектный вынос блюда. Официант нес огромный серебряный поднос с аппетитной инсталляцией! Что за красotka, зажаренная до корочки и вальяжно расправившая свои мясные бочка на подушке из волнистого картофеля фри в ярких острых специях, обрамленная бахромой тончайшей свежей капусты, в красных акцентах из свежего томата и зеленых кружках блестящих огурцов, фиолетовых колечках сочного лука! По краям подноса возвышались лаймовые лилии и мерцали свечи в плафончиках из репчатого лука. А у хищной морды акулы лежал свежий благоухающий цветок! В маленьких пиалках два вида соуса: желтый и белый.

– Спасибо! – одновременно поблагодарили они и незамедлительно начали трапезу.

– Было очень вкусно! – она вытирала руки салфеткой и запивала последний кусочек уже теплым пивом.

– Да, это мы поели так поели! Знатно! Люблю индийскую кухню с ее обилием пряностей, разнообразием карри и огромным выбором!

– Мы будем толстяками и не сможем разглядеть то, что ниже наших животов! – пошутила Кэт и дала знак официанту повторить напитки.

6

Они шли вдоль моря по песку, в руках зажимали свою обувь. Хэм все-таки накиннул на ее озябшие плечи предусмотрительно захваченную с собой арафатку.

Море играло с песчаным берегом, то заманивая за собой вглубь, то нагоняя страха бурлящей волной. Красиво отражалась звездная ночь, в воде колыхались фонарики рыбацких суденышек, пахло морем, по серебристым волнам гуляли колебания далеких звуков.

Они обсуждали увиденное в ресторане, восхищались в очередной раз индийскими блюдами и методами приготовления, мечтали, что на рыбном рынке спозаранку купят что-нибудь редкое и приготовят следующим вечером на костре, они планировали свои поездки и договаривались, какие пляжи хотят посетить, на какие экскурсии поехать.

Оба были в таком благодатном настроении и расслабленном состоянии духа, что трудный разговор начать боялись или пока воздерживались. Сладкая болтовня двух заговорщиков лилась и не хотелось усложнять этот ритм. Мелодии двух голосов переплетались с морским прибоем и вибрировали биением двух разгоряченных сердец. Возбуждение подступало и уже подрагивала заслонка страсти.

Вокруг блуждали такие же опьяненные отдыхом, плещущейся водой и рассыпавшимися солеными брызгами обнимающиеся фигуры. То лучи от лобных фонарей выхватывали полоски песка и травы, то собачий лай разлетался над мерным рокотом морских барашков, то грудные пульсации заслоняли остальной мир и грозили выдернуть в параллельную реальность желания, обладания и удовлетворения.

Так и случилось!

Улучив момент, когда гуляющие разбрелись кто куда, когда ровное лунное сияние затопило весь пляж и высветило пустые шезлонги с синими матрасами, в немом танце страсти они устремились к пальмам. И снова миксер вождения заработал на предельной скорости! Кокосы под пятками, шелковые рукава, клетчатая ткань рубашки, свежие царапины на спинах, колокольчики на ноге, свежая шишка на лбу, обжигающее дыхание прямо в ушную раковину, скользкая соленая слюна по подбородку, поглаживания и покусывания, сила давления и противостояние заломленных запястий, требование еще, продолжение и углубление обсуждения этого взаимного проникновения в воспламенившуюся плоть...

Калейдоскоп переживаний остановил смену картинок, кружение и мозаика притормозили. Бусины пота украсили их ключицы, символично окольцевав и перекрестив их судьбы. Застывшие следы пролегли по загорелым бедрам, влажные тропки на животе отражали ночь.

Не в силах расцепить объятия, они стояли на затекших ногах, прижавшись к стволу пальмы. Кутались в непослушную арафатку, терлись носами и лепетали свой экстаз.

Оделись. Обнялись. Отошли от безумия. Отправились назад. К хижине. Без слов. Обмениваясь красноречивыми пылкими взглядами, глубокими смыслами и благодарными взмахами ресниц.

Хэм расправил над кроватью марлевый балдахин, усеянный кровавыми микроточками, следами от комариных побед. Заботливо подоткнул тонкое одеяло со стороны Кэтти. Она любила засыпать под одеялом, в середине ночи раскрывалась, а в предрасветной прохладе прижималась к его сохранившему тепло телу. Он накрывал ее своей рукой сзади. Такую позу во время сна психологи называют «Ложки».

Кэт смотрела открытым долгим взглядом на этого человека-гиганта, делящего свою жизнь двойной сплошной линией между прошлым с другими женщинами и будущим с ней. Чувство любви, благодарности и восхищения расправили свои крылья и затрепетали на все бунгало. Эти крылья видела только Кэт. Маленькая большая женщина в атласных лентах из драм и ошибок.

Хэм еле сдерживал подкатывающий приступ нежности. Он не хотел торопить события и инициировать трудный разговор, спугнув любовь. Он ждал, пока все сложится само собой, гармонично и своевременно; момента, когда она начнет ему доверять, и они обсудят ситуацию, из которой он выдернул ее своей грубой клешней альфа-вершителя. Он погладил ее по щеке, она улыбнулась. Погасили свет.

Шум моря убаюкивал двух взрослых уставших людей на краю земли вдали от драматичной действительности. Глухо опадали кокосы на песок, по листьям крыш прыгали голодные галки. И только Кутрапалыч нес свою службу, заливаясь лаем на Луну.

7

Кэт проснулась в отличном расположении духа. Наконец-то она выпалась и ощущала прилив энергии, молодости, восстановившегося эмоционального фона, ровного, стабильного, без перекосов и резких разворотов до дрожи и страха. Внутри, казалось, все органы улеглись на свои положенные места, нигде ничего не кололо, не екало, не тянуло. Сдавалось также, что вся физическая оболочка смешалась с окружающей средой, сравнилась температурой, законами существования материальными и духовными. Внутренний диалог прекратился, воспитывающий ментор умолк, угрызения совести за побег от проблем больше не истязали Кэт. Она жила в моменте счастливой, уверенной, наполненной чувством радости и стремлением одаривать.

Встала с постели, аккуратно собрала к потолку балдахин, закрепила веревочки за изголовьем кровати. Хэм открыл один глаз, наморщил лоб.

– Нас ждут великие дела? – пробормотал он в подушку. – Мне нужна твоя помощь. Очень не хочется выползть из гнезда. И не может, – и он демонстративно отвернул простынь, перевернувшись одновременно на спину.

Кэт прыснула, присвистнула и бросилась на него. Некоторое время они барахтались и бултыхались в хлопково-кожаных влажных лохмотьях, взбаламучивали наступившее утро в солнечную полоску, вычерпывая остатки любовных нектаров до изнеможения, выныривая из эротической дыхательной гимнастики тотальной шавасаной, позой трупа с обездвиженными отяжелевшими конечностями.

– Я в душ! – мелькнула ягодицами Кэтти.

Тут же полилась вода. Еле уловимое мятно-ароматное облачко просачивалось сквозь неровности стенки между комнатой и санузелом.

Хэм заправил постель измятыми намокшими скрутками, выровнял подушки. И пошлепал к Кэт в душевую.

Она кривлялась в странных энергичных танцах, с зубной щеткой в руке, с пушистой пеной на подбородке и щеках, периодически приседала и напевала модную песенку в воображаемый микрофон.

– О! Привет! – сказала она в «микрофон» и пропела: «Sunny one so true!»
И Хэм подхватил: «I love you!»

Он стал чистить зубы той же супермятной пастой. Туалетная комната благоухала приятной свежестью, напоминающей охлаждающий мятный джулеп, один из самых главных коктейлей, замешанных на бурбоне родом из южных штатов Америки.

Хэм иногда улетал в свои воспоминания, в деятельное прошлое, перебирая, как четки, громкие профессиональные достижения, репортерские свершившиеся амбиции, творческие муки не рождающейся статьи, длительные командировки, перелеты без сна, тяжелые кофры с аппаратурой, отсутствие минимального комфорта, обилие женского внимания, громкие заголовки на первых страницах специализированных журналов с авторскими удачными фотографиями гусеницы-черепа или гигантского палочника. Или жука-геркулеса. И даже гигантской мягкотелой черепахи, найденной в 2007 году и до этого считавшейся исчезнувшей! Когда был обнаружен этот вид, научное сообщество сошло с ума и закатило колоссальную вечеринку со звездами, деликатесами и шампанским, самыми привлекательными женщинами и учеными в смокингах, чувствующими себя неловко от повышенного внимания фотокамер и микрофонов.

– Хэм? Хэм?! – обратилась к нему Кэти. – Ты согласен?

Звук ее резкого восклицания выдернул из накатившего прошлого со слепящими фотокамерами и ослепительными однодневными вертихвостками.

– Что ты спросила? Я задумался.

– Говорю, едем же в Вагатор. Там так здорово! Помнишь, там такая чарующая заброшенность, пальмовые плантации, угрожающие скалы и голова Шивы?

– Конечно, я помню ту поездку в Вагатор. Это была наша первая вылазка еще на скутере, когда мы попали под дождь. Наверное, только мы могли с тобой попасть под дождь в высокий сезон! Это было здорово! И тот разрисованный слон по пути, неожиданно вышедший из зарослей на обочине. Помнишь то великолепное небо перед очередной попыткой бури разразиться ливнем? Такого живописного буйства красок не увидишь в других местах! Голубой, бирюзовый, серый, лазоревый, вайдовый, циановый и электрик в одном воздушном нагоне! Превосходство природы во всем!

– Закругляйся и идем позавтракаем.

– Слушаюсь и повинуюсь! – разулыбался Хэм и стал энергично натягивать шорты и рубаху. Поправил кольцо в ухе и почесал свою помутневшую татуировку, раскинувшуюся через шею, плечо и до локтя левой руки.

На кресле у двери стояли упакованные рюкзак и пакет, лежали свернутые трубочками полосатые пляжные полотенца, две терракотовые банданы и ключи от Роял Энфилда.

8

Оливер Хэмсворд Эдвардс, или Олли, как звали его родные и многочисленные приятели в редакции, был сыном доктора медицинских наук в области дерматовенерологии.

Отец, Мартин Ли Эдвардс, вел востребованную частную практику в благополучном оживленном пригороде, обеспечил семье большой ухоженный особняк с обстановкой в престижном Вейбридже в двадцати пяти километрах от центрального Лондона. Выучил единственного сына Олли в университете. И выпустил во взрослую жизнь с библиотекой полезных назиданий в области финансовых операций и сохранения интимного здоровья.

Мистер Мартин располагал широким кругозором, был фундаментальным человеком, сосредоточенным на тонкостях избранной специализации, переубедить в чем-либо его было непростой затеей, чувства и эмоции он расточал неохотно и скупно. И при этих характеристиках у нее было большое доброе сердце. Время предпочитал проводить за книгами, исследованиями, созерцанием и в работе.

Однажды он влюбился. И влюбился безотчетно, безудержно, без остатка. В женщину не своего круга. Пожилые родители Мартина, приподняв брови в недоумении, его избранницу Вирджинию охарактеризовали как экзальтированную и экзотичную, свободную от предрассудков и разбалованную единственную дочь.

В начале семидесятых экстравертная Вирджиния Култхард провела несколько месяцев в индийском штате Гоа, тусуясь с хиппи со всех концов планеты. Экспериментировала с диэтиламидом лизергиновой кислоты, или ЛСД. Скрупулезно записывала динамику мыслительного процесса, подробно наговаривала на диктофон эмоциональные переживания после приема препарата, прогресс творческих порывов, фиксировала физические изменения организма и писала картины в примитивно-символическом стиле. Предавалась новым опытам без опаски и стеснения, активно знакомилась с молодыми творческими людьми, устраивала у себя на вилле литературные чтения и поэтические суаре с модными коктейлями, традиционными гоанскими закусками и комичными костюмными фотосъемками в колониальных интерьерах.

Богато обставленная вилла из четырех просторных комнат и террасы, роскошно и разнообразно меблированная, с прилегающим двориком в благоухающих цветах, обнесенная основательным высоким забором красного кирпича, принадлежала пятидесятилетнему осторожному представительному полковнику в отставке мистеру Николасу Ф. Хэмсворду. Он сдал свой дом на сезон британке, дочери сослуживца. Предварительно получил наисерьезнейшие рекомендации и заверения от ее отца и аванс как гарантию состоятельности. Она же возжелала удалиться от привычного окружения студенчества в поисках новых художественных форм с далеко идущей целью углубиться в практику живописи и изучение истории индо-арийцев.

В 1971 году в растрепанных чувствах выхода в отставку и с неясной перспективой мистер Николас покинул штат с женой из северных дравидов и годовалым сыном-метисом Феликсом. Николас передал ключи, наставления, инструкции и необходимые контакты на случай бытовых аварий молодой Вирджинии. Лаконично отсалютовал и развернулся на каблуках, пожелав успехов в дальнейших начинаниях.

Эх, что за жизнь началась у Вирджинии! Вокруг нее всегда вились красивые свободные мужчины, некоторые из которых были отпрысками состоятельных родителей. От подруг не было отбоя. Все хотели гостить у нее и принимать участие в творческих вакханалиях. Пить, есть и изменять действительность за ее счет. Но ей нравилась свобода выбора и жизнь в двадцать лет она воспринимала сугубо как эксперимент: пробовала все, что судьба подкидывала ей и подвергала лабораторным исследованиям самоучки. Размах ее изысканий и крепнущая слава у хиппи, среди которых встречались дети из соседних усадеб родного пригорода, донеслись за многие тысячи километров. И, когда слухи показались чудовищными, ее отец без промедления шантажом отозвал дочь с побережья свободы в скованный благочестием жителей туманный Альбион на детальный разбор будущего положения.

Она только-только вернулась из Индии. Ей было двадцать. Волосы ее золотились и не слушались парикмахеров. Вся она полыхала оранжевым загаром и источала бунт! Она была вынуждена благосклонно принимать приглашения с последующими ухаживаниями. И, разумеется, в сопровождении отца.

Знакомство с Мартином Эдвардсом состоялось в один из максимально скучнейших традиционных вечеров с чаепитием и игрой в бридж в доме его родителей. Было много гостей, мужчин и женщин. Меланхоличные плюшки с синюшным творогом и обреченно скисающее на глазах молоко буквально вытолкнули неприлично загорелую и деятельную Вирджинию в курительную, где можно было смахнуть маску притворства и приспособленчества, перевести дух и курнуть да запить глупость положения хересом.

Мартин, сидящий спиной ко входу в ушастом кресле с медицинским вестником в руках, затаил дыхание в момент, когда вихрь Вирджиния ворвался в помещение. Девица с грохотом

закрыла за собой тяжелую добротную дверь, чиркнула спичкой и с упоением затянулась турецким табаком.

– Ну и скукотища! Эти мумии хотят меня завербовать в свою поганую секту! Ну уж нет! Этому не бывать! От них веет нафталином за ярд!

Дым и наэлектризованность девушки разрубали тишину и привычное спокойствие, предсказуемость и понятную Мартину статусную рутину каждого дня. Он выглянул и уверенно официально поприветствовал девушку, как воспитанный хозяин. Но он сам не успел представиться.

А Вирджиния, неверно трактовавшая нахождение и роль Мартина в курительной, плеснула и ему хереса, прикурила сигарету и воткнула ее в зажатые от робости мужские пальцы.

– Я – Вирджиния! Хелло! Предлагаю выпить и повеселиться! Отпразднуем уходящую молодость и споем гимн заскорузлой неповоротливой Британии с ее допотопными ценностями супружества! – она торопилась утопить разочарование обществом и до сих пор царившими архаичными приоритетами.

Они выпили янтарного хересу.

А потом еще.

И еще.

И много курили турецкий крепкий табак, пока Вирджиния агитировала за новую роль женщины в социуме.

А потом она его поцеловала. Он не сопротивлялся. И увеличили громкость радиоприемника. На всякий случай.

9

Спустя месяц Вирджинию снисходительно приняли в свой дом старшие Эдвардсы. Им ничего не оставалось, как безропотно благословить сына на брак с «дочерью цветов» в типичном английском поместье у реки Вей. Доктору тогда стукнуло уже сорок лет. В этом возрасте считалось уместным быть женатым и начинать полнеть на рыбных кеджери да домашних пудингах в ожидании наследника.

Вирджинии было двадцать, и она приняла предложение востребованного доктора медицины. Она все еще изобиловала творческими идеями, практическими попытками, мажорными пробами и с трудом контролировала свою страстную натуру.

Мартин и Вирджиния венчались по принятому обычаю. Платье поражало изысканностью и дороговизной. Корсаж прочно удерживал ее порывы от безрассудства. Равно как и разгоревшееся чувство любви к надежному и податливому доктору, старающемуся угодить удивительно живой и вдохновляющей жене. Его доброта и понимание не могли не найти отклика в сердце английской розы, он потакал ее начинаниям и снисходительно принимал предложения к проведению воскресного досуга, грядущим планам на медовый месяц и переоборудованию дома. Оба, конечно же, влюблялись, не замечая за снегопадами и треском камина всей глубины этой зрелой любви с привкусом карри и хереса.

Вскоре после судьбоносной встречи в доме Эдвардсов и последовавшим венчанием, Вирджиния получила известие о том, что надлежит прибыть в городок Парнем в штате Гоа и уладить некоторые финансовые задолженности с ожидающим ее или ее доверенного лица полковником Николасом Ф. Хэмсвордом. Он приплыл вдовцом из Польской Народной Республики на громадном лайнере в Бомбей для вступления в наследство, оставшееся от его скоропостижно скончавшейся жены от пневмонии. В штате Махараштра остался кусок земли с домом, у Реди-Форты, в полузаброшенной деревушке, в паре десятков километров от известной Вирджинии местности.

Этот год изменил судьбу полковника коренным образом. Он торопился уладить формальности на родине супруги и вернуться к своему малолетнему сыну Феликсу, оставленному на попечение дородной польки с сердобольными глазами. До Великобритании семью он

не доvez, осели в северной Польше, где предложил неплохую службу с постоянным жалованием его армейский друг.

Чета Эдвардсов, Мартин и Вирдж, отметили рождественские и новогодние праздники. Мартин отпустил свою жену без тени ревности и опасения. Он доверял ей и ее решениям. Предложив свою компанию, получил вежливый отказ и заверение в быстрейшем урегулировании ситуации. В Индии начинался туристический сезон, иностранцы летели в жаркую страну, как пчелы на мед. Воздушное сообщение было регулярным, телефонная связь налажена, политическая обстановка более-менее предсказуемая. Начинался 1972 год.

В ночь перед полетом Мартин разжег камин, проверил наличие шампанского «Вдова Клико» (теперь этот напиток получил постоянную прописку в холодильнике их дома, но все же он перепроверил). Накануне заказал в лавке у Барни свежую марокканскую клубнику за безумные деньги, по пути из клиники заскочил за изысканно упакованной коробочкой и в кондитерскую к Фей за домашними взбитыми сливками, которые приобретали популярность в последнее время. В довершение к располагающей декорации для наступающего романтического вечера прощания принес свежесрезанные лилии с липкими капельками на тычинках и с розовыми деликатными прожилками в белых лепестках.

Он пригласил свою дорогую супругу в подготовленную и протопленную комнату.

– Ты умеешь удивлять! – восторженно сказала ему Вирджиния и подарила ему незабываемую ночь, полную искренних поцелуев и изысканных ласк.

Шкура медведя у потрескивающего камина, сплетенные руки и ноги любящих ненасытных супругов, золотая кайма фужеров и жемчужный пояс на загорелой талии жены гармонично ублажали бдительность аристократичного доктора.

Утром Вирджиния улетела с одной сумкой и забронированным обратным рейсом. Вернулась через неделю.

10

Наступил ноябрь.

Вскоре после рождения сына Оливера она закончила свое обучение на мастера по джайотиш, традиционной индийской ведической астрологии. Вирджиния Эдвардс была женщиной разноплановой, больших артистических талантов, изучала эзотерику и искусство. Европейские философские учения увлекали ее ум во время длительных прогулок по аллеям вдоль реки с малышом, мирно спящим в современной дорогостоящей коляске Silver Cross Balmoral.

Мистика, символизм, интуиция и индийские воспоминания юности были ее путеводными звездами и духовно поддерживающими цветными пятнами в серости английского стиля супружеской добропорядочности и ухоженного английского унылого сада в приличных пастельных полутонах.

Олли рос красивым мальчиком с множеством способностей. Особенно увлекали его дальние страны, картография и фотография, ботаника и биология, он любил читать приключенческие книги и иллюстрированные журналы о путешествиях. В надлежащем возрасте он поступил в университет на журналиста. И очень быстро приобретал популярность среди людей. Ему это было на руку, так как готовить репортажи намного легче, если налажен контакт с фигурантом. Как правило, после долгих встреч и обсуждений подробностей истории он становился добрым приятелем с героем материала.

И стар, и млад бурно приветствовали в какой бы точке мира Олли не работал, люди его любили. Он с легкостью располагал своей врожденной искренностью и добродушием. Каждому уделит внимание, найдет сердечное слово и поднимет стаканчик, а то и проведет вечер за семейным ужином. В нем жила уникальная харизма, согревавшая всех вокруг. Привлекательный внешне, рослый, яркий, с правильными чертами лица, с блокнотом и фотокамерой, с налетом небрежности и готовностью проявить моментальное участие к перипетиям коллег, новых знакомых, однокашников и бывших возлюбленных. Он жил легко, с аппетитом, быстро

снимался с не успевшего стать постоянным места, не держался за легкие возможности осесть в солидном офисе и занять высокую должность. Он был вечным искателем.

В довольно молодом возрасте Олли испытал восторг настоящей взаимной любви с девушкой, прекрасной своим внутренним качествами и необычайно красивой внешне. Сначала были романтические встречи и ухаживания, знаки внимания, комплименты и воскресные бранчи с шампанским. Отношения переросли в серьезные и определенно были прочными. Стал задумываться о женитьбе. Оливер рассуждал о том, чтобы остепениться от череды долгих командировок и начать новый этап – наслаждение семейной жизнью с самой великолепной женщиной, которая выбрала из многих достойных именно его. Оливера Эдвардса, высокого статного мужчину двадцати девяти лет, любящего и преданного, с доходным контрактом с одним из самых авторитетных изданий в мире в области географии, собственной недвижимостью и верой в счастливое завтра.

Внезапная весть о неизлечимой болезни его девушки перевернула все мечтания, планы рухнули как будто с небоскреба в Нью-Йорке. Оливер перевел в фоновый режим, а позже и вовсе забросил, все свои профессиональные проекты и рабочие поездки, уделял внимание только невесте. Его распорядок превратился в длинный список номеров кабинетов, фамилий и регалий медицинских специалистов, предписаний и назначений. Он стойко сносил удар судьбы. Поддерживал хрупкую надежду в ней, себя убеждал в непременно благополучном исходе и чуде, которое произойдет, если оба будут сильно желать и прилагать максимальные усилия. А именно выполнять все процедуры, сдавать регулярно анализы и корректировать прописываемые медикаменты. В какое-то время он подключил все свои многочисленные связи по всему земному шару. Из всех уголков неслись посылки с травяными сборами, цыганскими амулетами, освещенными шаманом сушеными жабыми лапками, прибывали пробирки со свежайшей росой африканского юга и много других диковинок, вселяющих каплю надежды.

Ничего не помогло. Она скончалась без агонии.

А он потерял себя, свое самообладание, свои проекты, свои цели. Он долго лежал на диване в своей запущенной квартире, много пил, мало ел, не выходил в свет и потихоньку превращался в матерого мизантропа. Оливер стал тенью себя. Часами он мог лежать в остывшей воде в ванне, разглядывая распухшие пальцы, которые должны были обнимать жену. Часами он рассеянно смотрел в окно на обреченных людей, спешащих и суесящихся ради своих пустых идеалов. Телевизор и книги загораживали поглощающее его горе, а виски глушил мучительные боли от открытого перелома сердца.

Через смену пор года он побрился. Собрался с мыслями. Подкачал пресс и бицепсы. Заковал сердечную мышцу в цельнометаллическую броню, глубоко заморозил и обвил толстыми цепями. Перестал строить планы и пить. Постарел и надвинул кепку цинизма на отросшие темные пряди, скрыв свои глаза. Глаза. Глаза его больше не могли улыбаться, как раньше.

Работа заменила ему все. Оливер поддерживал контакты с родителями, приятелями, соседями. Охотно улетал на север, юг, запад или восток. Писать о редкой гусенице, фотографировать северного белого носорога, брать интервью у зулусского вождя или протоколировать раскопки древней цивилизации. Так и проводил он свои молодые годы, и был уверен, что любить он умеет, но страдать больше не хочет.

11

Пляж Вагатор, названный в честь одноименной живописной деревни, утопал в волнующихся на ветру высоких изящных пальмах, живописной растительности с бутонами и плодами. Скалистые ферраллитные холмы заботливо окаймляли это место от нашествия пакетных туристов и придавали удивительную непохожесть на другие песчаные полосы Северного Гоа. Вагатор разделяют выдающиеся из песка скалы на колоритный для съемок, но непригодный для купания пляж в форме полумесяца под названием Большой Вагатор, с привычными барами, шезлонгами, коровами и лавочками Средний Вагатор и чудесный Малый Вагатор, примеча-

тельный тем, что там находится вырезанная из камня прямо в скале скульптура Лицо Шивы. Во время приливов Шива прячет свой лик от любопытных глаз зевак, а с отливом обзрывает свои владения и снисходительно подпускает к себе путников. Морское дно на этом кусочке пляжа не самое приветливое для беспечного купания, но особая атмосфера с очаровательной природной картинкой и богатством нюансов синевы моря и неба может оставить равнодушным только слепцов и вусмерть обкуренных наркоманов.

За этими вдохновляющими пейзажами, совершенно особенными философами-коровами, камнями-свидетелями сотворения истории и особой изоляцией с шлейфом безбидных безумств хиппи 70-ых годов примчались Кэт и Хэм.

Припарковали мотоцикл на песке. Разоблачились от пыльных бандан, закрывающих большую часть лица, сняли и протерли замутненные солнцезащитные очки. Огляделись.

Кэт не узнавала это место! Такое любимое и ни на что другое не похожее. Недалеко рыпел экскаватор, разрывая прочно возвышающийся берег, скрепленный корнями могучих пальм и травянистых кустарников. Огромные камни, высвобождаемые из завалов, темноволосые сухопарые индийские мужчины грузили в плоские широкие тазы на головы коренастых женщин. Ровным ручейком они с грузом на головах двигались, как конвейерная лента в сари, по направлению к грузовой машине с кузовом. Механизм не смолкал, все двигалось, газовало, перебирало кряжистыми ногами, потело и издавало атакующие звуки. Возводили большой фешенебельный отель.

Кэт не выдержала и грустно вымолвила: «Мы являемся свидетелями медленного умирания Вагатора. Дальше и все остальные светлые места и пляжи заполнятся уродствами современной цивилизации. Стройка и инфекция глобализма уничтожит свет и радость моего Гоа...»

Слезы выступили на ее глаза. Хэм обнял своими горячими ручищами Кэтти, находясь сам в глубоком, хоть и в предвиденном, ошеломлении.

– Да, нашего Вагатора больше не будет. Зато счастливые индийцы теперь смогут топтать ненавистный им белый песок и купаться в джинсах по высшему разряду и с первоклассным сервисом.

Оба, совершенно огорченные печальной картиной строительства, не сговариваясь и не размыкая рук, прогулялись к Малому Вагатору, к Лицу Шивы. Сделали обязательные и, наверное, последние снимки на телефоны. Полюбовались с уже засевшей острой ностальгией на тот мутный кусок бухты, где вся мировая синева расслаивалась и раскрывала всевозможные немислимые нюансы от серого в синее через голубое и бирюзовое, эпизодически в фиолетовое, дождливое, ветреное, бушующее и необыкновенное!

Этот Вагатор останется для них порталом в первооткрытие влюбленности и прикосновение к окостенелым сердчишкам. Эти пошарпанные топчаны навсегда сохранят клетчатую память об их интимности и соприкосновении замерзающих спин и животов после опасного и прекрасного купания под ливнем в молочно-нефритовой мегаломании.

Их Вагатор кончился. Им даже не захотелось тут оставаться. Загорать и купаться через боль утраты, которую они похоронили быстро и одновременно, замерев в объятиях, каждый со своими мятущимися мыслями и чувствами прощания. Растягивать этот кошмар не хотелось. Есть и пить не хотелось. Они медленно, чтобы навсегда запечатлеть в памяти остатки красоты, и расстроено, потому что неизбежно все сгинет в надвигающемся прогрессе, побрели через безмолвно кричащие о помощи камни Среднего и Большого Вагатора к арендованному мотоциклу.

12

По пути с Вагатора в форт Чапора, до которого было лишь пару километров по раскаленной трассе, они завернули в баньяновые заросли сделать несколько снимков на память и остыть в тени.

Два царственных баньяна, окутанных паутинами и придорожной пылью, обеспечили красивый вид для фотокарточек. Кэтти немного попозировала Хэму в несложных стоячих асанах. Потом они покачались на воздушных сухих корнях, как маленькие игривые обезьянки. Сделали несколько крупных планов в переплетениях ветвей и шелестящей высушенной листвы. Эти простые туристические развлечения отвлекли их от недавней печальной встречи с любимым местом. Спрятав фотокамеру в рюкзак, немного расправив смятые одежды и вытряхнув мелкие камешки из обуви, не стовариваясь, присели на старинный заброшенный колодец из поросшего бурым мхом камня. Ручка подъемника и цепь превратились в сильно заржавевший дрязг. Однако вся эта обстановка заброшенности и одинокие деревья, пристанища мелкой ночной живности, способствовали тому, чтобы два немного сбитых с толку и утерявших оптимизм путника перевели дух.

Хэм раскурил один нирдош, крепко прижал к себе свою Кэт. И они погрузились в вялые размышления о глобализации, эволюции человека, наступающей оптимизации, деградации, цивилизации, самоидентичности и прочей ерунде...

– Дай попробовать? – попросила она, указывая на нирдош.

– Ну держи! – развеселился Хэм, протягивая кривенький коричневый самокруток с дымящимся кончиком.

Кэт затянулась и скривилась.

– Ну что за гадость ты куришь? Неужели тебе нравится?

– Дорогая, процесс курения – сакральный. Есть в нем что-то такое... Не знаю, как тебе объяснить и передать эти ощущения. Помогает мне приостановиться, переключиться, передохнуть. Ну да бог с этим. Если ты волнуешься за мое здоровье, то, во-первых, мне ужасно приятно, и я благодарю тебя за заботу. Продолжай беспокоиться обо мне. Так я буду уверен без лишних вопросов, что ты все еще меня любишь. Во-вторых, нирдош – это натуральная природная альтернатива табаку. Уникальные сигареты без содержания никотина и не вызывающие привыкания. Это не биди, так называемые сигареты для бедных индийцев, которые, к слову, вызывают зависимость и по некоторым исследованиям или мифическим исследованиям повышают развитие тех самых необратимых заболеваний. Да, на вкус они не очень, но их букет поразителен! Ты только вдумайся! Туласи, гвоздика, корица, куркума и другие местные травы! Это аюрведический антистресс! Нирдош повышает иммунитет и способствует пищеварению. Лекция окончена, все студенты могут быть свободны. Кроме вас, мисс Кэтти. Вам просили передать.

И после этих слов Хэм по-голливудски поцеловал «студентку». И они потопали к Энфилду, припаркованному у края дороги.

Пока застегивали шлемы и усаживались, мимо проплыл автомобиль с полицейскими. Они смотрели прямыми подозрительными взглядами. И становилось слегка не по себе, даже в условиях полной законопослушности.

Кэтти отлично запомнила методы, которые практикуют эти коррумпированные стражи порядка. В прошлой поездке они с Хэмом задумали вылазку в столицу штата. Расстояние было недалеким, многие европейцы гоняли в Панаджи полюбоваться архитектурой португальского периода, принять контрастный душ из смены пляжного расслабленного стиля жизни на городскую суматоху и поесть мороженого.

На мосту их затормозили крепкие ребята в грязно-белой униформе, широко улыбаясь. Потом на гоанском английском упорно и бегло рассказывали о нарушении, мол, нужно надеть шлемы и тогда дорога открыта. И просто полиция так заботится о гостях страны. А в это время проносились добитые мотобайки с наклепленными индийцами по трое и больше, без шлемов, без соблюдения скоростного режима и без страха.

Как-то неуловимо перешли к проверке документов на транспортное средство. И к отсутствию шлемов добавился арендованный байк, которому по правилам запрещено покидать

побережье. А потом потребовали водительские права или их ксерокопию. Хэм и Кэт упустили из виду такую вероятность, начитавшись заранее, что на побережье полная свобода передвижения и к европейцам относятся с пиететом, радостно салютуя полной вседозволенностью.

Кэт очень хотела попасть после осмотра основных достопримечательностей Панаджи на пляж Дона Пола, который прославился благодаря многочисленным болливудским съемкам. Это романтическое название ласкало ее слух и будоражило фантазию, отправляя в сладкие киношные танцевальные семидесятые. Много ярких эпизодов рассказал ей один импозантный мужчина, которого Кэт встретила на посольском приеме. Она выступала на этом мероприятии генеральным организатором, работающим круглые сутки на территории загородного развлекательного центра с рестораном, спа-центром, отелем и спортивными площадками.

Права остались в сейфе в бунгало. Копии не было. И тогда полицейский окончательно перевозбудился в предвкушении взятки долларами. Также широко улыбаясь, он ровным шагом подошел к байку и четким движением шоколадной опытной руки вытащил ключи из замка зажигания.

В итоге длительных торгов за сумму, которая позволяла исключительно из дружеских побуждений и личного уважения к туристам закрыть глаза на столько грубейших нарушений. Ничего не оставалось, как «внести» пожертвование на развитие детей сержанта Санджая. Десять американских долларов. И получить обратно ключи от байка.

Расставались практически душевными товарищами, тепло и продолжительно трясая руками в интернациональном потном пожатии. С наилучшими пожеланиями. И предостережениями. И советом воспользоваться его званием и именем, чтобы без эксцессов вернуться обратно.

И все же в этот раз, обменявшись взглядами, Хэм и Кэт ускорились в сборках и тронулись с места по направлению к форту по дороге с интенсивным движением.

Форт Чапора – опорный пункт португальцев, датированный 17 веком и имеющий большое оборонительное значение для отражения мусульманских вторжений в свое время. Река Чапора, в устье которой расположилась крепость из терракотового латерита, богатой железом и алюминием выветриваемой формации, дала название и укрепительному сооружению. Подъем к руинам форта щедро одаривал посетителей незабываемыми видами далеко в северо-гоанское пространство ласкового прибоа и обволакивающего неба. Поскольку возвышенность Чапоры по сути является центральным разделителем всего Севера и превосходным наблюдательным пунктом.

– Смотри, там Морджим! – Кэт весело указывала то в одну, то в противоположную сторону. – А там виднеется, еле-еле обозначается Анджуна! Какое нерукотворное великолепие! Какой воздушный простор и прозрачность! Ты видишь этот дребезжащий раскаленный воздух, вздымающийся от терракоты ввысь?! – восторг Кэт не прекращался, ее уносило на другой уровень восприятия реальности.

– Да, и обратите особое внимание на вырубку пальмовой рощи на Вагаторском пляже. Коровы несказанно счастливы развернувшейся застройке и уже оформляют бронирование на первой линии! – ехидно добавил Хэм. – Ну прости! Просто я... изрядно возмущен и раздосадован! Мне тяжело видеть это собственными глазами и оставаться безучастным в непосредственной близости от происходящего кошунства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.